Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ТОБОЛЬСК
И ВСЯ СИБИРЬ

НОМЕР ТРЕТИЙ

ТОМСК

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Фаина
КАНУНОВА

СИБИРЬ В МИРОВОСПРИЯТИИ Г.С. БАТЕНЬКОВА

Единственный из декабристов уроженец Сибири, Гавриил Степанович Батеньков знал её изнутри, чувствовал ее, видел многие преимущества и противоречия ее жизни. Как активный участник сибирских реформ Сперанского, он глубоко исследовал самые разные области сибирской действительности, испытал на себе огромное влияние «сибирского климата», в значительной мере сформировавшего его личность.

Вместе с тем, Батеньков отчетливо проявил в своем творчестве основные позиции нравственно-философской концепции декабризма, высоко оцененной Толстым и Достоевским.

Как особое природное, общественное и духовное пространство, в котором сосланные декабристы создали свою неповторимую «гомосферу» - средоточие «всего талантливого, образованного, знатного, блестящего в России» (Достоевский), - Сибирь сыграла исключительную роль в формировании культурно-исторических, религиозно-философских, эстетических воззрений Батенькова. Последние (в отличие от его же политических, общественных, экономических взглядов) изучены совершенно недостаточно, хотя материалы для такого рассмотрения имеются богатейшие. Это обширный архив Батенькова - многочисленные записи (преимущественно томского последекабристского периода) по вопросам философии, художественной литературы, эстетики, религии. Неоценимое значение имеет и личная библиотека декабриста, обнаруженная в составе Научной библиотеки Томского университета. Его многочисленные письма из Томска проникнуты раздумьями о судьбе родины, о собственной жизни. В письмах и записках, в размышлениях о прочитанных книгах, о русских писателях угадывались черты его времени - пора перелома, в которую созидалась новая общественная, философская, эстетическая мысль.

В свою очередь, деятельность Г.С.Батенькова - фактор сибирской духовной интеллектуальной жизни. Перед нами яркий сибирский просветитель с глубоко выстраданным пониманием особой исторической миссии Сибири, ее значения в общей судьбе русской культуры.

Две важнейшие черты характеризуют Батенькова как человека декабристской культуры, как психологический тип декабриста - это подлинный энциклопедизм знаний в различных сферах науки, литературы, искусства и религиозное глубокомыслие, даже философско-религиозная одержимость, особенно сильно проявившаяся, как и у многих других декабристов, в 1840-1850-е годы.

Они, как известно, были людьми «обнаженной, предельно чуткой совести». Веление совести, нравственный поиск вели их одновременно к социальному протесту и к потребности личного самоусовершенствования. Отсюда в молодости широко распространённое увлечение масонством, в котором их привлекала не только конспиративность организационной структуры, но и в проповедь нравственного очищения. В Петербурге в 1816 году Батеньков становится членом масонской ложи «Избранного Михаила», которая впоследствии превратилась в одну из побочных

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

вольных организаций «Союза Благоденствия». Многие будущие декабристы (Ник. Бестужев, братья Кюхельбекеры, Фёдор Глинка) являлись членами этой ложи. Идеи масонства, по-видимому, настолько в ту пору привлекали Батенькова, что, приехав в Томск в 1817 году, он вместе с близкими ему сибиряками также устроил здесь масонскую ложу, и она поддерживала связь со столичной.

Когда у арестованного Александра Бестужева на следственном комитете спросили: «В каких предметах Вы наиболее усовершенствованы?», он решительно, с максимализмом, свойственным молодости, ответил: «Смело сказать могу, что я не оставил ни одной ветви наук без теоретического или практического изучения, и ни одно новое мнение в науках умозрительных, ни одно открытие в химии или механике от меня не уходило» [1;430]. Подобное , если бы захотел, мог бы сказать о себе и Батеньков, человек разносторонних и глубоких знаний в области естественных наук, математики, истории, этнографии, экономики, замечательный литературный критик, оригинальный философ, поэт.

С Томском связаны два периода жизни Батенькова - 1817-1821 и 1846-1856 годы. Первый и последующий за ним петербургский (1821-1825) - пик его реформаторской и общественной деятельности, результатом чего явилось вступление в тайное общество декабристов, а затем арест и почти двадцатилетнее пребывание в одиночной камере Петропавловской крепости. Второй сибирский (ссыльный) период - время интенсивной умственной деятельности, пора теоретических обобщений и подведения жизненных итогов.

Сразу по первом приезде в Томск (23 марта 1817 года) Батеньков горячо принялся за порученные ему дорожно-строительные работы и ряд других самых разнообразных занятий по благоустройству города: строительство шоссейной дороги и мостовых в центре и вдоль набережной Ушайки, отделка выезда на Юрточную гору по большой почтовой дороге из Тобольска в Иркутск, пролегавшей через Томск. Большое инженерное мастерство проявил Батеньков при устройстве бассейна-водозабора, отыскании новых ключей, в результате чего увеличилось количество питьевой воды в городе вдвое [2; 17].

С особым интересом отнесся Батеньков к предложению построить мост через Ушайку вместо старого, сгнившего. «Теперь, - пишет он своему другу А.А. Елагину 24 мая 1817 года, - занимаюсь проектом моста и хочется построить оный аркою из железа на каменных быках» [3; 108]. Вместо задуманного железного Батеньков построил деревянный, красивый, прочный и дешевый мост, прослуживший томичам более ста лет.

Неприятности с местным начальством, которому не глянулся излишне самостоятельный и беспокойный инженер, могли бы закончиться большими осложнениями в жизни строителя Батенькова, если бы не приезд М.М. Сперанского, назначенного генерал-губернатором Сибири. Известный своей конституционно-реформаторской деятельностью, Сперанский обратил внимание на интересный и глубокий доклад Батенькова о проекте улучшения путей сообщения в Сибири и привлек незаурядного инженера к участию в широко задуманных им преобразованиях края.

По свидетельству барона Корфа, биографа Сперанского, многое в сибирских реформах - «вместе с собиранием сведений, предварительными начертаниями и пр. он возлагал на Батенькова, говоря, что не может без него обойтись как мастер без ученика» [4]. Батеньков составляет ряд проектов о Сибири, ее землях, ссыльных, записки о заселении края. Работая со Сперанским над проектом «Сибирского учреждения», Батеньков написал несколько концептуальных очерков, в том числе, «О сухопутных сообщениях», «Об учреждении этапов», «О ссыльных», «Об инородцах», «О сибирских казаках», «О системе образования» [5].

Когда осенью проект сибирских реформ вчерне был завершен, и Сперанский выехал с ним в столицу, он пригласил с собою и Батенькова, который после шестимесячного отпуска (для лечения) в мае 1821 года прибыл в Петербург. Так закончился первый сибирский период, из которого Батеньков вынес глубокое профессиональное знание исторической и современной жизни сибиряков.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

В Петербурге Сперанский сначала назначил его правителем дел Сибирского комитета, а с 1823 года, по решению шефа Батеньков поступает в ведомство Аракчеева, служба у которого ускорила его отставку и приход в ряды декабристов.

Несмотря на активное участие в заговоре и на серьезное отношение декабристов к Батенькову, которому предназначались ведущая роль в будущем Временном Правительстве, на Сенатскую площадь он не вышел. Однако наказание понес самое строгое среди всех, оставшихся в живых: после крепости Свартгольм на Аландских островах Батенькова ожидало двадцатилетнее одиночное заключение в Петропавловской крепости. Как бы ни объясняли исследователи эту необычную участь, она имеет исключительное значение для понимания эволюции его воззрений.

11 марта 1846 года жандармский унтер-офицер Н. Жданов привозит Батенькова в Томск. Гавриил Степанович поселяется сначала в гостинице «Лондон», откуда уже на следующий день переезжает в дом томского исправника Н.И. Лучшева, свойственника хорошо известного Батенькову еще по прежним томским временам Ф.А. Горохова, крупного в 1840-е годы золотопромышленника. Дом Лучшева был расположен по бывшему Благовещенскому переулку №1 (теперь переулок Батенькова), где ссыльный декабрист прожил все десять лет. Вскоре жилец подружился с хозяином, стал добрым помощником семьи, учителем его детей. «У меня теперь тепло и просторно»,- говорит он о своем житье у Лучшева [3:210].

Довольно быстро Батеньков восстановил свои прежние знакомства, в том числе и с влиятельными людьми, разбогатевшими томскими золотопромышленниками С.И. и Ф.И. Поповыми, И.Д. Асташевым, Ф.А. Гороховым, которые нашли способ помогать Батенькову материально, особенно после того, как пришло из столицы указание «государственному преступнику выдать на обзаведение 500 руб. серебром».

«Томском я вполне доволен, - пишет Батеньков уже в одном из первых своих писем к А.П. Елагиной 27 октября 1846 года - Нашлись люди, которые меня любят и не оставляют. Они <...> меня примирили с жизнью» [3:217]. Он говорит о том, что нашел «семейную приязнь» в доме Асташевых [3:219]. Летом он живет в саду, в беседке Ф.А. Горохова. «Встаю рано и прогуливаюсь весь в цветах,- пишет он Елагиной 26 июля 1847 года, - вдыхаю аромат их <...> Это много действует на мое здоровье». Батеньков благодарит Бога за свою жизнь в Томске: «... переезд мой сюда был бы невозможен без явного небесного действия» [3; 226].

Систематически в течение всех десяти лет жизни в Томске Батенькову помогала материально и морально семья его верного друга, однополчанина с самого начала войны 1812 года А.А. Елагина. После его смерти в 1846 году семья Елагиных приняла самое близкое участие в судьбе заключенного в крепость, а затем сосланного декабриста. Подавляющее большинство писем Батенькова из Томска было адресовано членам семьи А.А. Елагина. Они держали его в курсе всех важнейших событий столичной жизни, политической, исторической, литературной. Батеньков чувствует не только дружеское расположение, благодарность, но и духовное родство с А.П. Елагиной и ее сыновьями славянофилами Иваном и Петром Киреевскими. Среди многих писем к Батенькову Елагиных, Киреевских обращают на себя особенное внимание письма Кати Елагиной, невестки Авдотьи Петровны. Это своеобразная летопись русской жизни середины XIX века. Письма дают богатый материал для характеристики личности Батенькова, которого Елагина считает эталоном высокой гражданственности, религиозности, человечности.

Уже в конце срока ссылки, 29 марта 1856 года Е.И. Елагина пишет Батенькову: «Когда Бог даст Вам вернуться, то Вы увидите, что ни один из Ваших современников не умеет чувствовать как Вы, любить, как Вы, думать, как Вы. За то, чтобы быть таким, каков Вы есть, можно отдать все счастие жизни! До Вас не коснулся тлетворный воздух здешний ... Вы в целом остались свободным, а мы все ведь, «свободные», выросли рабами, льстецами, подлецами или умершими» [7; пер.п, № 25, л. 36].

В четырех верстах от города, в Заварзино, Батеньков возвел дачу откупщику-виноторговцу Степану Сосулину. Здесь же были построены мыловаренный, свечной, кожевенный заводы и помещения для рабочих. Отдельный особняк Батеньков выстроил

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

для богатой родственницы Сосулина. В знак благодарности строитель получил 55 десятин земли, на которой поставил для себя домик. «Соломенный хутор», как он назвал своё угодье, окружала чудесная природа, лес, река, холмы. Батеньков очень ценил уединение и писал об этом во многих письмах. Родные места, ежедневные купания, длительные прогулки, - все это оздоровляло, способствовало интенсивному умственному труду.

«Люблю я мой лесной угол: в нем как-то вера живее, молитва чище, ум деятельнее и сосредоточеннее. Сердце более веще» (3; 325). В дошедших до нас нескольких стихотворениях томской поры Батеньков воспевает свое уединение в родном краю.

Сижу задумчив у окна.
В неосвещенные покои
Ко мне с небес глядит луна;
Искрятся блестками обои
На стенах моего жилья...
Не в царстве ли волшебном я?

Многочисленные заметки, записки, очерки, написанные здесь, носят преимущественно философский, исторический, религиозный, литературно-эстетический характер. Он вспоминает свои стихи, сочиненные в каземате Петропавловской крепости, снабжает отрывками из них письма к друзьям, сочиняет новые, посвященные Сибири.

Труды Батенькова, как правило,- обобщающие. «Двадцатилетняя разлука с наукой сделала меня способным сводить умнее настоящее с минувшим и проводить по многим направлениям перспективы». Так он пишет свои исторические и философские сочинения. В архиве Батенькова находится незавершенный «Рассказ о Томске». Говоря об исторических истоках города, Батеньков сравнивает две различные эпохи в его жизни, известные ему лично - начало XIX века и середину столетия.

Раньше, пишет он, «большая часть жителей погружена была в староверство <...> Все жили замкнуто в своих семействах, с крытыми дворами и запертыми воротами. Не было ни одного здания, которое отвечало бы хоть первым требованиям архитектуры, улицы в луговой, т. е. лучшей части города вымощены были по болоту без осушки его деревом. Каждую весну город подвергался наводнениям. Постройка нового дома составляла дату в местном летоисчислении <...> Немного было грамотных и книг в употреблении <...> Нравы Томска не славились строгостью; костюмы - смесь татарских с русскими <...>, о вкусах и удобствах не заботились. Простые женщины и девицы ходили под фатою, в тяжелой и неуклюжей зимней обуви, летом и босые».

Только «быт чиновников и казачьих семейств представлял некоторые особенности». К 1850-м годам в жизни города многое переменилось - он почти удвоил свое население, принял «европейский вид жизни». «Внутри домов явились чистота и убранство, показалась библиотека», стали слышны «языки иностранные и столичный говор», в домах появились газеты и журналы. «Чтение, знания, воспитание детей проникли до мещанских семейств» [7; 5/II, Л.15].

Батеньков, как и другие декабристы, неоднократно говорил об особом положении Сибири - географическом, историческом, этнографическом. Особенность Сибири в том, что в ней соединилась культура Европы и Азии. Сибирь в силу своего географического положения и этнического состава - арена встречи двух цивилизаций - европейской и азиатской. «Мы не в Европе,- пишет он, даже не в России, близость и соприкосновение с Китаем, со Средней Азией, Югом... входит в наше духовное <нрзб.>... В целом Сибирь,- утверждает Батеньков,- маховое колесо для движения неизмеримости нашего отечества и необходимая черта его величия» [8;79].

В отрывках глубоко патриотического стихотворения, написанного, очевидно, в томский период,- «Я русский. Гордо бьется грудь // При имени России» - Батеньков воспевает историческое величие Родины («Каким огромным великаном я зрю тебя, Россия-мать!») и славит Сибирь как залог этого величия.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Сибирь, на рамо опираясь,
Приосеняет благодать.
Порфирой полной простираясь,
Кладет величия печать...

Об особом историческом положении края Батеньков пишет неоднократно. Так 2 декабря 1830 года он говорит о Сибири и Томске, в частности: «Это оазис в пустыне, предельная грань европейской цивилизации, крайний пункт тяготения главных интересов к Западу. Далее начинается Азия, ощутительным становится соседство другого великого народа» [8; 89]. С этой точки зрения, думает Батеньков, Сибирь - «духовный коридор нашего отечества».

Стоит отметить, что исследование характера народонаселения Сибири проводится Батеньковым в связи с вопросом о соотношении европейского и азиатского начал в культуре. Внимательно, всесторонне рассматривает он множество малых народов Сибири, туземцев, с их собственной историей, этнографией, фольклором, ставит, как и другие декабристы, проблему содружества, взаимодействия культур.

Царящее в России законодательство, с горечью говорит Батеньков, «не признает ни истории, ни этнографии, ни климатологии, не ищет никаких данных в основании многонационального уклада Сибири». Необходимо учитывать своеобразие каждой области. «Конституция, - считает он, - есть ни что иное как права и местные различия, всегда важные в таком государстве как Россия» [9]. Его размышления об инородцах, населяющих Сибирь, - остаются актуальными и по сей день. Устав, составленный Батеньковым, проникнут стремлением сохранить не только экономическое благосостояние, но и самобытный жизненный уклад туземцев.

Вообще следует подчеркнуть, что Батеньков - сторонник федеративного устройства Сибири. Он - против жестокого централизованного государственного управления. Этим Батеньков, с одной стороны, близок к Н. Муравьеву и его конституции, а с другой - предсказывает идеи Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, которые также много размышляли о проблемах федерального устройства.

Сосланный в Сибирь в 1826 году Батеньков напомнил о своем активном участии в разработке сибирских законов: «Я редактор здешних законов и многие установления мною изобретены и названы. В ходе дел под верховной санкцией течет собственное мое слово» [75/2, л.3]. Главная мысль поздних исследований Батенькова о Сибири - это очень дорогое для него утверждение, что «Сибирь - не колония, а действенное притяжение России к Востоку»: так начинается его поздняя статья «Сибирь» [75/2, л.1]. Любимая мысль Батенькова о Сибири как встрече двух цивилизаций - Востока и Запада, Европы и Азии - варьируется им постоянно. Свой план культурного развития Сибири, ее широкого просвещения он выстраивает исходя из этой стержневой мысли. Даже в своих строительных работах Батеньков пытается органически сочетать Восток и Запад - древнее русское народное деревянное зодчество и европейскую готику. Он не противопоставляет Европу Азии, а говорит об их синтезе в культуре Сибири [103-4].

Это воззрение будет развито и в его исторических, и литературно-эстетических исследованиях, воплощено и в его поэзии. В стилевом строе его стихотворений - концентрированный метафоризм и иносказание, в которых синтезируются архаика и европейские традиции.

Сибирь с ее особым общественным и нравственным климатом способствовала формированию широкого гуманитарного мировидения Батенькова и прежде всего его нравственно-философских, религиозных воззрений.

Батеньков был одним из наиболее философски образованных декабристов. Еще в 1810-е годы вместе с А.А. Елагиным увлекся философией Шеллинга и задумал, как он сам определит это, «пересадить Шеллинга на русскую почву». Важнейшим для него вопросом философии, истории, этики, перед трудностями решения которого были поставлены русские люди 1830-х годы, был вопрос о соотношении исторической необходимости и свободы действий отдельного индивидуума.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Но у Батенькова после 1825 года был свой подход к немецкому идеализму, в частности, к Шеллингу. Дело в том, что важнейшим источником миропонимания Батенькова явилась религия. Пережитое декабристами неминуемо влекло к отказу от односторонне общественно-политического ригоризма и объясняло, с одной стороны, огромное стремление к духовному самоуглублению, а с другой - к универсализму мышления, к предельному обобщению в осмыслении пути человечества, в решении онтологических проблем.

Все это открывалось в религии. Отсюда очевидный факт устремлённости многих декабристов к вере именно на каторге, в сибирском поселении. Батеньков здесь принципиально близок В.Ф. Раевскому, Е.И. Оболенскому, М.С. Лунину, В. Кюхельбекеру и другим. Именно в Сибири декабристы сумели придать своей жизни поразительную духовную насыщенность. «Жить в Сибири я согласен до последнего издыхания, - писал Батеньков. - ...Это место Иерусалим мой, я всегда там на поклонении, и может быть нигде не благодарю Творца вселенной так усердно и так искренне» [11; 86]. В последекабристский период религиозность Батенькова станет краеугольным камнем его мировоззрения, важнейшей опорой в решении проблемы человека, свободы воли и необходимости.

Окрепшая в Сибири религиозность уходила своими корнями в особую атмосферу края, составляла своеобразие сибиряка, очень часто остававшегося один на один со стихиями природы. Монументальность, безграничность самой сибирской природы властно подвигала человека на высокие религиозные чувства. Примечательно, что сибирские письма Батенькова значительно отличаются от писем, посланных им из Петербурга и центральней России. В них - широта обобщений, философичность, тот особый монументализм, в котором слились «религиозность души», романтический историзм и народность.

«Красавица наша Томь ежедневно ласкает меня своими быстрыми и светлыми струями, успел разглядеть величественное ее течение. О! как бедна наука в изъяснении красот природы... Она все оценяет мертвыми буквами. Тут, напротив, величие целостности, всеобщей грации... всеобщее отражение красот вечных, в Боге сущих» [3; 225].

В другом письме: «Наша Томь, это чудовище в полсотни верст длиною, будто играет своей бесчувственной жизнью <...> Впрочем при всем своеволии стихий есть внутри нас и невозмутимая красота, а что всего надежнее - Бог в нас и с нами... Бог это опять пространство, не менее человеколюбивое, надежный источник чувства и мысли, освещающий и просвещающий душу» [3; 294]. Здесь намечается у Батенькова выход к таким важнейшим философским проблемам, как соотношение свободы воли, необходимости и Бога.

Этим особым сибирским монументализмом, освещенным религиозной идеей, проникнуто стихотворение «Надежда» (1846):

Все та же Томь
Хрящ роет и несет....
Объемлет город юный и живый
Под чащей вечного уединился....
Своя здесь мысль, свое - одно - здесь чувство....
Хочу
Служить Творцу, его исполнить волю.... [см.6; 134]

Сибирь, ее природа, ее «человеколюбивое пространство» имеют принципиальное значение в формировании мировоззрения Батенькова, помогают уяснить и природу его религиозного чувства. В его многочисленных философских заметках, в сибирских письмах - осуждение рационализма мышления, свойственного, по его убеждению, «грубому» (выражение Г.С. Батенькова) материализму в науке, игнорирующему религию. В письме к Е.И. Оболенскому он размышляет: «Вы правы... науке нашего времени не достает благочестия. Она вышла бы из своей шаткости и противоречий, если бы признала Бога всему причиною». И далее - уже откровенная полемика с материалистическим объяснением происхождения мира и человека: «как и ни гляди, а приписывая

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

все, даже и красу природы, кругообращению шара, действию центрального огня, возвышению земной коры, электричеству, магнетизму и проч., и проч. <...> ничего изъяснить нельзя. Понадобится непременно воля, разум и намерение. Вот почему и можно похвалить начавшееся стремление некоторых литераторов искать прогресс в духе и внутреннею причиною объяснять явления» (здесь Батеньков имеет в виду тех молодых русских мыслителей типа братьев Киреевских, которых считает своими «внуками» [3; 225]). В отходе от духовных начал и утрате духовной целостности видели эти писатели кризис отвлеченной философии.

Сидя в течение двадцати лет в Петропавловской крепости и имея при себе лишь одну книгу - Библию на всех языках, Батеньков, как он уверял в 1846 году, пережил «откровение». Может быть, именно тогда впервые он увидел в христианстве великую силу, духовно объединяющую мироздание. В письмах из Сибири, размышляя о материализме и идеализме, о творчестве Бога и человека, о роли откровения и прозрения в построении философских систем, Батеньков еще и еще раз утверждает: религия - великая объединяющая сила, игнорирование этой силы делает безжизненной самое науку. В связи с чтением «Космоса» Гумбольдта Батеньков с грустью заключает: «...наука много установила истин и сделала много открытий, не открыв, однако, Бога и потому сомнительно, чтоб много» [3;282-283]. Или: «Как бы то ни было, а кажется, Бог хитрее Парижской Академии и не скоро выпытает она у него творческие тайны. Он не только математик, но и поэт такого обширного размаха, что вою вселенную наполнил своею славою, величием, гармонией и красотою» (письмо от 18 августа 1863 года [3;282]).

Читая его письма из Томска, видишь, с какой настойчивостью проявлялась у Батенькова та жажда целостного миросозерцания, в котором бы органически слились материальное и идеальное, знание и вера, истина и Бог.

Важнейшую для себя, как и для других декабристов, проблему свободы человека, права его на духовный, нравственный, общественный выбор Батеньков сейчас тоже связывает с религией, потому что, по его убеждению, подлинную свободу дает человеку вера.

Причина воли, скажет Батеньков в своих «Томских записках»,- Бог, свобода - в вере, во внутреннем убеждении [7; 6/2]. Эту черту мировоззрения Батенькова чутко уловил Л.Толстой, который говорил о высоко чтимом им декабристе-сибиряке: «Батеньков просидел 19 лет в одиночном заключении, но через веру он пришел к сознанию, что душа его свободна, и так громко расхохотался над тем, что царь заключил его, что стража прибежала посмотреть, что такое случилось» [12]. Иными словами, Л.Н.Толстой на примере Батенькова, соглашаясь с ним вполне, признал, что подлинная свобода - это внутреннее освобождение души, не мыслимое без религиозной веры. Здесь целесообразно напомнить слова Н.Бердяева, произнесенные им в «Философии свободы»: «Свободный человек - это человек поверивший» [13; с.16].

Глубокая связь Батенькова с Сибирью была плодотворной и взаимной. И весьма примечательно, что в своем своеобразном стихотворном памятнике - Non exegi monumentum[1], говоря о том, что «весь он не умрет» и что «неведомый потомок в пыли минувшего разыщет стертый след», Батеньков не вспоминает ни о Петербурге, ни даже о Петропавловской крепости, а говорит о Сибири, где с необыкновенной силой он ощутил полную и высокую жизнь духа [6:1/44].

литература:

1. Восстание декабристов. - М., 1925. - Т. 1.
2. Бородавкин А.П., Шатрова Г.П. Декабрист Батеньков. - Томск, 1960.
3. Батеньков Г.С. Сочинения и письма. - Иркутск, 1989. - Т.1.
4. Корф М. Жизнь графа Сперанского. - СПб., 1861. - С.175-176.
5. Карцев В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. - Новосиб., 1965.
6. Илюшин А.А. Поэзия декабриста Батенькова. - М., 1972.
7. Архив Г.С. Батенькова. - ГБЛ. - Ф.20 (номер переплета, единицы хранения и листа указываются в тексте).
8. Русские Пропилеи. - М., 1916. - Т.2.
9. ЦГАЛИ. - Ф.48. - Д.359. - Л.29.
10. Прибыткова-Фролова А. Архитектор-декабрист Архитектура СССР. - 1934. - №9.
11. Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э-Г. Толля. - М., 1936.
12. Яснополянские записки Д.П. Маковицкого Литературное наследство.-М., 1979. - №90. - Кн.
13. Бердяев Н.А. Философия свободы. - М., 1989. - Т.1.

[1] Памятник Г.С. Батенькову работы скульптора С. Данилина поставлен в Томске на площади, носящей его имя.